А.Н.Ужанков

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД «СЛОВОМ О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ»

(К вопросу о месте написания и времени присоединения его к «Житию Александра Невского»)

До сих пор ученые не могут придти к единому мнению о времени и месте написания «Слова о погибели» и ответить на вопрос: являлось ли «Слово» отрывком не сохранившегося древнерусского сочинения, повествовавшего о «погибели Русской земли», или же оно представляет собой вступительную часть к «Повестям о житии Александра Невского» (так называемой первой редакции «Жития Александра Невского»).

Наиболее расхожие ответы на эти вопросы сводятся к следующему: «Слово о погибели» возникло в период Батыева нашествия на Русь в 1237–1240 гг.: до гибели 4 марта 1238 г. Юрия Всеволодовича, упомянутого в последней фразе «Слова» (Х.М.Лопарев, Н.К.Гудзий, М.Н.Тихомиров, В.Филипп, Л.А.Дмитриев); после гибели Юрия Всеволодовича, но до смерти 30 сентября 1246 г. Ярослава Всеволодовича (А.В.Соловьев, И.П.Еремин, Ю.К.Бегунов); как отклик на смерть Ярослава Всеволодовича (М.В.Горлин) и, наконец, после 1250 г. кем-то из людей, близких митрополиту Кириллу (В.В.Данилов).

В обоих списках «Слово» сохранилось впереди «Жития Александра Невского» первой редакции. Тем не менее, помимо точки зрения на «Слово» как на вступление к житию Александра Невского (Н.И.Серебрянский, И.Н.Жданов, В.Мансикка, В.И.Малышев (высказывался осторожно), И.У.Будовниц), существует противоположный взгляд на него как на самостоятельное произведение (Х.М.Лопарев, Д.С.Лихачев, Л.А.Дмитриев, Ю.К.Бегунов)[1].

Между тем, в списке XV в. оба памятника не разделены новым заголовком — отдельным для жития Александра Невского, а в списке XVI в. даже объединены под общим названием: «Житие блаженнаго великаго князя Александра Ярославича всеа Русии Невскаго». Существует еще одно свидетельство, что в XV в. «Слово о погибели» воспринималось как вступление к житию святого князя

Александра Невского. Андрей Юрьев, создавая во второй половине XV в. новую редакцию «Жития Феодора Ярославского», во вступлении к житию использовал переделку «Слова о погибели», то есть поступил в соответствии с уже имевшейся аналогией[2].

И хотя во второй половине XX в. возобладало мнение о «Слове о погибели Русской земли» как самостоятельном сочинении, фактических доказательств этому никаких нет. Эта точка зрения обосновывается одними рассуждениями.

Обнаруженная же нами близость трех памятников — «Летописца Даниила Галицкого» («Галицкой летописи»), «Слова о погибели» и «Жития Александра Невского» — приводит к противоположным выводам.

Сопоставление «Летописца» и «Слова о погибели» начнем с анализа используемого ими понятия «Русская земля».

Наблюдения Б.А.Рыбакова над летописными определениями понятия «Русская земли» в XI–XII вв. привели его к выводу «о существовании трех географических концентров, одинаково называемых Русью или Русской землей: 1) Киев и Поросье; 2) Киев, Поросье, Чернигов, Переяславль, Северная земля, Курск и, может быть, восточная часть Волыни, т.е. лесостепная полоса от Роси до верховьев Сейма и Донца; 3) все восточнославянские земли — от Карпат до Дона и от Ладоги до степей Черного (Русского) моря»[3].

Это, если так можно выразиться, чисто географическое понятие «Русская земля». Однако выделение трех разных по величине «географических концентров» свидетельствует, что не одно чисто территориальное (географическое) понятие вкладывалось древнерусскими писателями в выражение «Русская земля». Подразумевалось нечто более значительное и значимое, объединяющее воедино все перечисленные княжества в одно государство: исповедание единой православной веры и очерчивание территории, на которой она была распространена, возможное при четком определении всех не православных соседей. Между тем, надо полагать, такое религиозное понимание название «Русская земля» появилось не сразу, а только в XIII веке.

Наблюдения А.В.Соловьева показали, что широкое понимание термина «Руси» как совокупности всех восточнославянских княжеств имело постоянное значение в двух случаях: во-первых, во взаимоотношении с западноевропейскими странами; во-вторых, в сфере церковной жизни. Он же отметил, что расширительное понимание «Руси» или «Русской земли» как всей страны было присуще периоду между 911–1132 годами. И даже смоляне и новгородцы (примечательно, что Смоленск и Новгород никогда не входили территориально в тот узкий географический ареал, который выражался в XI–XII вв. понятием «Русская земля») в договорах с иностранцами назывались «русинами». В период же феодальной

раздробленности, особенно со второй половины XII в., оно закрепилось преимущественно за Киевской областью[4]. Широкое понимание названия «Русская земля» в этот период сузилось, по мнению А.Н.Робинсона, до древних границ Среднего Поднепровья, ранее населенного полянами, т.е. включало в себя бывшее Киевское княжество, Переяславльское княжество и бо́льшую часть Черниговского княжества[5]. В обстановке распада «Русской земли» на удельные княжества, по мнению ученого, «само определение "русские" обычно не применялось, судя по летописям, ни к княжествам, находившимся за указанными пределами "Русской земли", ни к населению этих княжеств, в которых жили "суздальцы", "ростовцы", "новгородцы", "смоляне", "рязанцы", "черниговцы" и др. (по названиям столичных городов)...»[6].

В период феодальной раздробленности, во второй половине XII в., возникает концепция самостоятельных земель — «Суздальской земли», «Смоленской земли», «Северской земли», «Новгородской земли» и т.д., и появляется «новая концепция "Руси" — "Русской земли", уже не объединявшей многие восточнославянские "земли", а противопоставляемой этим "землям"»[7].

По мнению А.Н.Робинсона, «во второй половине XII в. "широкая" концепция "Русской земли" существовала преимущественно как историческое предание, а "узкая" концепция — как обычная политическая реальность»[8], причем не только в летописании, но и в «Слове о полку Игореве» (правда, в несколько расширительном значении, за счет северских и союзных с Игорем князей)[9].

Интересно отметить, что понятие «Русская земля» в «Слове о полку Игореве» имеет своего антипода — понятие «Половецкая земля»[10], точно так же, как в двух литературных памятниках XIII в.— «Слове о погибели Русской земли» и «Галицкой летописи» — «Русская земля», или просто «Русь», имела антиподами всех своих соседей — «Ляхов», «Угров», «Ятвягов» и т.д.

Если продолжить сопоставление понятий «Русская земля» в исторических сочинениях XII в. и «Слове о погибели», то мы обнаружим совершенно противоположную XII в. концепцию памятника XIII в. И это при том, что социально-историческая обстановка ничуть не изменилась, более того, дальнейшее обособление княжеств еще усилилось, как и их дробление.

Тем не менее, понятие «Русская земля» в «Слове о погибели» трактуется в самом широком смысле и включает в себя все восточнославянские земли, населенные православными людьми, в том числе и западно- и северорусские, что, опять же, роднит этот памятник с «Галицкой летописью».

Уже в самом начале ее автор, говоря о Романе Галицком, замечает: «По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси... велику мятежю воставшю в земле

Руской, оставившима же ся двеима сынома его...»[11]. Или в рассказе об истории основания новой столицы княжества — города Холма: «..созда град..., егоже татарове не возмогоша прияти, егда Батый всю землю Рускую поима»[12]. Совершенно очевидно, что выражение «вся земля Русская» использовано здесь в самом широком значении, не ограниченном ареалом Киево-Черниговских, или — шире — южнорусских земель, а подразумевает и Владимирские, Суздальские, Рязанские и Галицко-Волынские земли, т.е. те земли, через которые прошли полчища Батыя.

И еще на одном примере уместно будет остановиться, поскольку он характеризует взгляды первого автора «Галицкой летописи» («Летописца Даниила Галицкого»)[13].

В заключительной части своего труда, в описании поездки кн. Даниила в Орду за ярлыком, он дважды использует выражение «Русская земля»: «О злее зла честь татарьская! Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братомъ си, инеми странами... Его же отець бе царь в Руской земли, иже покори Половецькую землю и воева на иные страны все»[14].

Интерес представляет это указание на царство кн. Романа в Русской земле и на владение ею его сыном. Дело в том, что и Роман Мстиславич, и его сын Даниил Романович владели Киевом временно и непродолжительный срок, но автору, видимо, было достаточно самого факта для создания их обобщенной характеристики как «самодержцев Русской земли». В связи с этим хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства. Князь Даниил никогда не управлял «Русскою землею» из Киева, но только из Галицкого княжества: первоначально из Галича, а с конца 30-х годов — из Холма.

При устойчивом употреблении автором выражения «Русская земля» относительно Галицких земель, и «Русь»-«русский» — относительно жителей княжества, напрашивается вывод, что Холм как новая столица княжества становится административным центром «Русской земли» во времена владения князем Даниилом Романовичем Киевом (т.е. в первой половине 40-х годов), во всяком случае, в представлении самого автора.

Могло ли такое быть?

Как известно, к концу XII в., точнее в середине 80-х годов «Киев не только утратил свое значение столицы ("матери") всех городов, но даже лишился суверенных прав в собственном княжестве. Киевского княжества как государства более не существовало, так как городом Киевом владел в интересующее нас время (середина 80-х гг. XII в.— А.У.) один князь..., а землями Киевщины — другой»[15].

Практически закат былой славы Киева как центра «Русской земли» начался с его разорения в 1169 г. Андреем Боголюбским. Затем Киев часто стал переходить от одного князя к другому.

Батыево нашествие завершило этот процесс, но не только потому, что Киев был фактически разрушен до основания и истреблены его жители (Михаил Черниговский по возвращении в Киев в 1245 г. не смог даже жить в нем), а и потому, что с этого момента Киев перестал быть ц е н т р о м русской православной церкви — митрополичьим городом. Еще в 1239 г. (1240) митрополит-грек Иосиф покидает Киев перед угрозой монголо-татарского нашествия, а в 1243 г. князь Даниил Романович назначает «печатника» Кирилла новым митрополитом «всея Руси». Именно ему, по нашему мнению, и принадлежит первая редакция «Летописца»[16]. Но тогда выражение «Русская земля» — в широком смысле — обретает под его пером новое звучание и значение для XIII в.

Кирилл писал свое сочинение, будучи уже названным митрополитом «всея Руси». И для него, естественно, «Русская земля» не ограничивалась только Киевским, Черниговским и Переславльским княжествами. Для него «Русская земля» — это тот географический ареал, на котором проживают православные христиане. Он называл «христианами» католиков, венгров и поляков, но всегда отличал их от православной «Руси», наравне с языческой Литвой и ятвягами. Поэтому его понятие «Русская земля» было гораздо шире устоявшегося в XII в. и включало в себя помимо традиционно называемых в XI—XII вв. центральных территорий еще и Галицкое, Волынское, Смоленское и др. княжества. Фактически он подразумевал всю территорию восточных славян, говоря о «Русской земле». Описывая западных соседей Руси, он повествует о венграх, поляках, чехах, ятвягах, литве и немцах. Обращаю на этот факт внимание умышленно, поскольку эти же западные соседи Руси перечисляются и в «Слове о погибели». И, думается, не случайно, поскольку автор использовал выражение «Русская земля» в самом широком смысле, подразумевая под ним территорию, населенную православным народом и окруженную «не правоверными христианами» — католиками и язычниками. Этот момент в «Слове» подчеркивается особо. Перечислив всех западных, северных и восточных соседей, автор замечает, что расположенная между ними территория была покорена «Богом крестианьскому языку», то есть христианскому народу.

Стало быть, и в понимании митрополита Кирилла, автора первой редакции «Летописца», и в понимании автора «Слова о погибели» «Русская земля» — это населенная православным народом земля, которую окружают неправославные народы. То есть понятие «Русская земля» использовано в этих двух памятниках в самом широком смысле: 1 — по отношению к соседям; 2 — в религиозном понимании.

Это обстоятельство, несомненно, роднит оба произведения.

Кроме того, в «Слове» имеется одна деталь, которая позволяет увидеть в его авторе выходца из Галицко-Волынского княжества, или же говорить о том, что «Слово» написано было в Холме, а уже позднее было соединено с «Повестями о житии Александра Невского».

Я имею в виду ту точку обзора, откуда ведет свой рассказ повествователь: «Отселе (! — А.У.) до ОУгоръ и до Ляховъ, до Чаховъ, от Чахов до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Немець до Корелы, от Корелы до ОУстьюга...» и т.д.

Откуда «отселе»?!

Если бы автор находился в Киеве или Чернигове, то вряд ли бы начал свое повествование с западных народов — венгров, чехов и немцев,— ни с одним из которых ни Киевское, ни Черниговское княжества не граничили и до которых ему в начале XIII в. дела было мало. Так что Киев и Чернигов (равно как и территории соответствующих им княжеств) не могут претендовать на место, где было написано «Слово о погибели».

Если же предположить, что «Слово о погибели» было написано в Северо-Восточной Руси (Новгороде — М.Н.Тихомиров, В.Филипп; Владимире или Переяславле-Залесском — Н.К.Гудзий; на северо-востоке, но южанином — В.В.Данилов и Ю.К.Бегунов), то начало перечисления с западных соседей выглядит столь же странным, ибо Владимиро-Суздальская Русь также не граничила на западе ни с одним из перечисленных народов!

Если еще раз допустить, что южанин или северянин хотел показать обширность Русской земли и начал свое перечисление с ее западных соседей, тогда следует еще раз напомнить, что Галицко-Волынские земли никогда на протяжении XI–XIII вв. не входили в географическое понятие «Русская земля» ни в северо-русском, ни в южнорусском летописании[17].

Стало быть, вопрос о южнорусском или северо-русском происхождении «Слова о погибели» вызывает большие сомнения.

Примечательна одна деталь: в числе западных соседей «Русской земли» названы чехи, которые никогда не имели общей границы с Русью[18]. Ю.К.Бегунов предположил, что они «упомянуты в единой летописной формуле: «Угры, Ляхи, Чахи»[19]. Такое объяснение вряд ли можно назвать приемлемым, поскольку, во-первых, ученый не подкрепил его аналогичными примерами из летописей, а во-вторых, в древнерусские сочинения не попадала случайная информация. Одно дело — «литературная формула» — сочетание определения с определяемым словом («злая сеча», «острый меч», «борзый конь» и т.д.), другое — перечень исторических реалий, какими выступают народы в «Слове о погибели». Древнерусские писатели всегда стремились быть точными в передаче информации.

Мне кажется, объяснить появление чехов в этом перечне можно только тем обстоятельством, что его автор хорошо знал историю Галицко-Волынского княжества, и, в частности, историю княжения Даниила Галицкого. Именно Даниил Галицкий ходил походом в 1252 г. (по Ипатьевской летописи — в 1254 г.) по просьбе венгерского короля Белы IV в Силезию, что дало повод автору «Галицкой летописи» заметить: «...не бе бо в земле Русцей первее, иже бе воевалъ землю Чьшьску; ни Святославъ хоробры, ни Володимеръ Святый»[20]. В числе результатов этого похода была и женитьба сына Даниила Романа на племяннице австрийского герцога Фридриха II Бабенберга Гертруде, в результате которой Роман Данилович стал соперником чешского князя Оттокара II Богемского, женатого на сестре Фридриха II Маргарите, в борьбе за австрийский престол[21].

Теперь остановимся на «Галицкой летописи», чтобы сопоставить перечень западных соседей Руси в «Слове о погибели» и в «Летописце Даниила Галицкого».

Кто первым из соседей упомянут в нем? У кого оказался малолетний Даниил?

Первым в «Летописце», упомянут не восточный, не северный и не южный, а западный сосед — венгерский король Андрей II, заключивший союз с вдовой князя Романа княгиней Анной, своей «ятровью», т.е. женой брата, и принявший малолетнего Даниила, «како милога сына своего»[22]. Дело в том, что Роман Мстиславич и Андрей II были троюродными братьями, а Анна, по генеалогическим исследованиям Л.Е.Махновца, племянницей Андрея II; т.е. Даниил Романович был двоюродным внуком Андрея II, и поэтому венгерский король принял его, как своего сына[23].

Вторым назван польский князь Лешко. Краковский князь Лешко Белый был также троюродным братом Романа Мстиславича. Общим прадедом Романа, Андрея II и Лешка был великий князь киевский Мстислав Владимирович[24]. Поэтому неудивительно, что после мятежа галицких бояр Анна с детьми бежит в Польшу к Лешку. Поляки и венгры стали воевать Галицко-Волынские земли то под предлогом возвращения их малолетним Романовичам, то преследуя свои корыстные цели: в 1211 г. венгры вернули Даниилу столицу княжества Галич, но вскоре его изгнали бояре и Даниил с матерью опять бежали в Польшу. А в 1214 г. Андрей II, женив своего сына Коломана на дочери Лешки Саломеи, посадил его княжить в Галиче[25].

Возмужавший князь Даниил Романович ходил в конце 1236 — начале 1238 г. на помощь австрийскому герцогу Фридриху II Бабенбергу против короля немецкого и императора Священной Римской империи Фридриха II Гогенштауфена (по Ипатьевской летописи это произошло в 1235 г.), а в 1248 г. (1252 г.) — против

него же по просьбе венгерского короля Белы IV, претендовавшего на австрийское наследство, и, наконец, в 1252 г. (1254 г.) — против чешского королевича, а затем и короля, Пржемысла II Оттокара, вступившего в Австрию и провозгласившего себя герцогом австрийским. Во время этого похода весной 1252 г. сын Даниила Роман и женился на овдовевшей племяннице герцога Фридриха II Гертруде и уже сам стал претендентом на Австрийское герцогство[26]. В результате этих походов Даниил Романович и его биограф и познакомились с немцами. В конце 1243 — начале 1244 гг. и 1245 гг. (по Ипатьевской летописи 1246—1247 гг.) князь Даниил Романович воевал с Литвой. Еще ранее, в 1234 г. (1248 г.),— с ятвягами[27] и вновь в 1251 г. с ними же.

То есть князь Даниил Романович имел самые тесные сношения (как политические, так и военные) именно с теми западными соседями, которые перечислены в «Слове о погибели».

Первый, предварительный вывод, который из всего этого напрашивается: в «Слове о погибели» перечислены западные соседи не Новгородского или Владимиро-Суздальского княжества, а Галицко-Волынского. Только вкладывая широкий, религиозно-политический смысл в понятие «Русская земля» и включая в него Галицко-Волынские земли (а это только точка зрения самих галичан), можно говорить о венграх, поляках, чехах, литве, ятвягах и немцах (а не только тевтонских рыцарях!)[28] как западных соседях «Русской земли». Но тогда получается, что автор, делая это описание западных соседей «Русской земли», находился в Галицко-Волынском княжестве, точнее же сказать, в его столице — Холме, и был достаточно хорошо осведомлен в княжеских делах Даниила Романовича Галицкого. Или же, другой возможный вариант, был выходцем из Галицко-Волынского княжества, долго до этого в нем проживал, был близок к Даниилу Галицкому, и для него и в Северо-Восточной Руси осталась привычной такая последовательность в обзоре соседей «Русской земли».

И в первом, и во втором случаях на ум приходит митрополит Кирилл, предполагаемый мною автор первой редакции «Летописца Даниила Галицкого» и «Жития Александра Невского»[29], длительное время проживавший в Галиче и Холме, бывший «печатник» князя Даниила Романовича Галицкого, переехавший в 1249 г., после поставления в митрополиты в Никее, в Северо-Восточную Русь, во Владимир, где и пребывал в Рождественском монастыре с 1250 по 1274 гг. Кстати сказать, в этом же монастыре в 1263 г. был похоронен и князь Александр Невский.

Сопоставления «Слова о погибели» с «Летописцем Даниила Галицкого» можно значительно расширить.

Автор «Слова» обращает внимание на то, что Владимир Мономах был покорителем литвы («а Литва из болота на светъ не вы-

никываху») и устрашителем венгров («а ОУгры твердяху каменын городы железными вороты, абы на них великый Володимеръ тамо не вьсехалъ»)[30].

Однако мы не имеем никаких исторических сведений о том, что литовцы и венгры боялись Владимира Мономаха, поскольку он с ними никогда (!) не воевал, и, более того, даже выдал свою дочь Евфимию замуж за венгерского короля Стефана[31].

Наоборот же, галицким и волынским князьям в XII в. приходилось часто обороняться от набегов литовцев и походов венгров, и только Роману Мстиславичу, а затем и его сыну Даниилу удалось нанести им сокрушительное поражение и стать для них грозою. Так что характеристика Владимира Мономаха как покорителя этих двух народов абсолютно исторически не обоснована и могла появиться под пером только у галицкого книжника и только потому, что Роман Мстиславич, покоривший литву и ятвягов, успешно воевавший с венграми, старался быть похожим (интереснейшая деталь! — А.У.) на своего деда Владимира Мономаха («ревноваше бо деду своему Мономаху») и, как и дед его, «тщашеся погубити иноплеменьникы», потому и ходил на язычников ятвягов и литовцев и на «не правоверных христиан» венгров. А раз так, то достоинства внука по покорению «иноплеменников» были перенесены и на его деда, равно как достоинства деда на внука (этот момент мы еще затронем ниже).

В «Слове о погибели» подчеркивается особая заслуга князя Владимира Мономаха в покорении языческих народов. И именно эту заслугу Владимира Мономаха отмечает и автор «Летописца» в повести о траве евшан (тоже, кстати сказать, помещенной в самое начало произведения), где рассказывается об изгнании «поганых измаилтян» (т.е. половцев) «во Обезы» за Дон. То есть даже географические пределы деятельности Владимира Монома́ха весьма близки ареалу деятельности князя Романа Мстиславича, который нанес в начале и конце 1203 г. сокрушительные удары половцам, мстя им за разрушение Киева.

В предании о траве евшан, помещенном в начало «Летописца», указывается, что Владимир Мономах изгнал половецкого хана Отрока «во Обезы за *Железные врата*». В «Слове» венгры укрепляли свои города «*железными вороты*». Хотя значение выражения «железные врата» в этих случаях разное (под Железными воротами в Обезах (Грузии) исследователи видят старый Дербент), видимо, выражение это нравилось обоим авторам.

Автор «Слова о погибели» вспоминает Владимира Мономаха как деда князя Всеволода Юрьевича, отца «нынешнего Ярослава», на повествовании о котором «обрывается» «Слово».

Автор «Летописца» вспоминает Владимира Мономаха как деда князя Романа Мстиславича, отца «нынешнего Даниила», о котором идет речь в произведении.

Обращает на себя внимание абсолютно одинаковое начало (заглавие?) двух сочинений. «Слово о погибели»: «Слово о погибели Рускыя земли и *по смерти великого князя* Ярослава». «Летописец»: «*По смерти же великаго князя* Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси...»

Даже из этого небольшого сопоставления видна близость этих двух произведений, но она этим не ограничивается.

После перечисления западных соседей Древней Руси «Слово» называет и северных соседей, и восточных, от корелов до волжских булгар и мордвы: «...от Корелы до ОУстьюга где тамо бяхоу Тоимици погании, и за Дышючимъ моремъ; от моря до Болгаръ, от Болгаръ до Боуртасъ, от Боуртасъ до Чермисъ, от Чермисъ до Моръдви...»

Ю.К.Бегунов обнаружил, что в «Слове» ничего не говорится о новгородских владениях на севере: Печоре, Югре, Тре, Заволочье, обычно упоминаемых в договорных грамотах Новгорода с князьями. Ничего не говорится и о народах, живших между «Корелой» и «Устюгом»[32]. Это обстоятельство свидетельствует против северного происхождения «Слово о погибели». «Южные отзвуки легенды о Владимире Мономахе, следы влияния "Повести об Индии богатой" — все это говорит в пользу того, что автором "Слова" был выходец из южной Руси»[33]. Вывод Ю.К.Бегунова необходимо откорректировать: не из Южной Руси, а из Юго-Западной, т.е. Галицкого княжества. Упоминание монастырских виноградников также может указывать не только на южнорусскую точку обзора автора[34], но и на юго-западную.

После очерчивания пространства между западными и восточными соседями Русской земли автор «Слова» замечает: «то все покорено было Богом крестияньскому языкоу поганьскыя страны: великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю Кыевьскому, деду его Володимеру и Манамаху, которымъ то Половоци дети своя полошаху* в колыбели»[35].

Совершенно очевидно, что в данном контексте понятие «Русская земля» не сугубо географическое, а географически очерченная территория, на которой распространена православная вера. И этот конгломерат, состоящий из Новгородского, Псковского, Смоленского, Волынского, Галицкого, Переяславльского, Владимирского, Суздальского, Киевского, Черниговского и др. княжеств, в одночасье

* Здесь принята конъектура «полошаху» вместо «ношаху», как дошло в рукописи.

превращается в единое государство — «Русскую землю», благодаря единому для них всех объединяющему началу — православию. Русская земля едина православием. На этой же точке зрения стоял и галицкий (точнее сказать, холмский) автор «Летописца Даниила Галицкого».

И, наконец, последняя деталь, которая роднит уже три памятника: «Летописец», «Слово о погибели» и «Повести о житии Александра Невского».

В выше приведенной цитате подчеркнута фраза «которымъ то Половоци дети своя полошаху в колыбели», относящаяся к характеристике Владимира Мономаха.

Сходная фраза, относящаяся, правда, уже к характеристике Романа Мстиславича, имеется и в «Летописце» под 1251 г.: «...И придоста со славою (Даниил и Василько — А.У.) на землю свою, наследивши путь отца своего великаго Романа, иже бе изоострися на поганыя, яко левъ, имже половци дети страшаху»[36].

Сходная по смыслу фраза имеется и в «Повестях о житии Александра Невского»: «Князь же Александръ прииде в Володимеръ... И бысть грозенъ приездъ его, и промчеся весть и до устья Волгы. И начаша жены моавитьскыя полошати дети своя, ркуще: "Александръ едет!"»[37].

Чем же можно объяснить наличие столь близкой фразы в трех произведениях?

Наиболее ранним из них по времени написания считается «Слово о погибели». В нем развернутое определение «которым то половоци дети своя полошаху» дано Владимиру Мономаху. Киевский князь был прямым предком как Романа Мстиславича, так и Александра Невского. Таким образом, оба князя были законными наследниками его славы, и по отношению к обоим можно было использовать то же определение.

Поскольку промежуток времени между погребением Александра Невского (23 ноября 1263 г.) и кончиной Даниила Галицкого (предположительно лето 1264 г.) незначителен (6—8 месяцев), и за это время не только были написаны «Повести о житии Александра Невского», но и оказались вместе со «Словом о погибели» уже в Холме, то можно полагать, что они действительно в задумке их автора изначально составляли единое целое. Тогда видится закономерным, что в дошедших до нас двух списках «Слово о погибели» смыкается с «Повестями о житии Александра Невского». В этой связи следует отметить, что и автор второй редакции «Летописца», писавший свой труд вскоре после смерти Даниила Романовича Галицкого, то есть в 1264 г., спустя 6—8 месяцев после кончины Александра Невского, был, по-видимому, знаком с обоими, уже сведенными вместе, произведениями и воспринимал их как единое целое.

Во-первых, более точное совпадение фразы «Летописца» с фразой «Слова о погибели» свидетельствует, что заимствована она именно из характеристики Владимира Мономаха, не Александра Невского, да и Роман Мстиславич никак не мог претендовать на славу последнего.

Во-вторых, именно автор второй редакции помещает в самое начало «Летописца» «вступительное слово» о князе Романе Мстиславиче, наследовавшем доблесть деда своего Владимира Мономаха: «Ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганыя измаилтяны, рекомые половци»[38].

Создается такое впечатление, что, зная тексты «Слова о погибели» и «Повестей о житии Александра Невского», в которых выстраивается династическая преемственность славы Владимира Мономаха через отца — Ярослава Всеволодовича — к самому Александру Невскому, автор стремится восстановить право на славу Владимира Мономаха и своего «подопечного» — князя Даниила Романовича, а для этого он восстанавливает династические права его отца Романа Мстиславича, для чего помещает эту вставку (она отмечена практически всеми исследователями) в текст своего предшественника, т.е. первую редакцию «Летописца»[39].

В-третьих, роднит оба произведения и еще одна деталь. Киноварный заголовок «Слова о погибели» заканчивается фразой явно не заголовочного характера: «По смерти великого князя Ярослава». «Галицко-Волынская летопись» начинается словами: «По смерти же великаго князя Романа...». Причем ни в одном, ни в другом случае о самой смерти князей не сказано ни строчки! Более того, в «Слове о погибели» далее следует лирическая зарисовка о красоте Русской земли, а в «Летописце» — лирическая легенда о траве евшан. И что интересно, в обоих текстах упоминается Владимир Мономах в своей славе.

Создается впечатление, что второй автор «Летописца» в какой-то степени следовал известному ему тандему: «Слово о погибели» — «Повести о житии Александра Невского».

Из всего этого можно заключить, что под рукою второго автора «Летописца» был рукописный текст сведенных вместе «Слова о погибели» и «Повестей о житии Александра Невского», воспринятых им (как, впрочем, и последующими переписчиками XV–XVI вв.) как единое целое.

Что же касается отдельных заголовков — «Слова о погибели» и «Повестей о житии и о храбрости благовернаго и великаго князя Александра»,— то такие же отдельные заголовки разбивают и текст «Летописца», например: вторая «глава» (начало первой приведено выше, и она повествует о «великом мятеже в земле Руской») начинается заголовком: «Начнемъ же сказати бещисленыя рати и великыя труды, и частыя воины, и многия крамолы и частая

востания, и многия мятежи, из млада бо не бе има (Даниилу и Васильку — А.У.) покоя» (Стлб. 750), который точно передает содержание этой главы.

Следующая за ней глава начинается заголовком «По семь скажем многъ мятежь, великия льсти, бещисленыя рати» (Стлб. 762). И сходу повествует о новой «крамоле... во безбожных боярехъ галичкыхъ».

Вторая редакция, как одна глава, повествует уже о зрелых годах князя Даниила Романовича и «великой славе» его.

Таким образом, можно заключить, что деление «Летописца» на главы (логически завершенные отрезки повествования) — продуманный литературный прием авторов, сознательно отошедших от характерного для летописания погодного изложения событий.

Поскольку литературная манера авторов «Летописца» и «Повестей о житии Александра Невского» одинакова, что позволило говорить об их одном авторе[40], а теперь к ним присоединилось еще и «Слово о погибели», то можно заключить, что «Слово о погибели», соединенное с написанным между концом 1263 и летом 1264 гг. «Житием Александра Невского» (первой редакцией), изначально является составной частью «Повестей о житии и о храбрости благоверного и великаго князя Александра», т.е. как раз одной из «повестей». Приведенная выше характеристика ее автора, выходца из галицкого княжества, скорее всего новой его столицы Холма, полностью совпадает с характеристикой предполагаемого нами автора первой редакции «Летописца» и «Жития Александра Невского» «печатника» Даниила Галицкого, а затем русского митрополита Кирилла, выходца из Холма, сподвижника Даниила Романовича и Александра Невского, прожившего тридцать лет во Владимиро-Суздальской Руси. Именно ему принадлежит та широта в восприятии понятия «Русская земля» как земли православной, присутствующая в трех выше названных памятниках.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Обзор точек зрения см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 432–434.

[2] Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965. С. 137–145.

[3] Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология: Сборник статей. М., 1953. Вып. XVII. С. 29.

[4] См.: Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. М., 1980. С. 223 и прим. 18–19.

[5] Робинсон А.Н. Литература Древней Руси... С. 225.

[6] Там же. С. 226.

[7] Там же. С. 225–226.

[8] Там же. С. 226.

[9] Там же. С. 227–229.
[10] Там же. С. 233.
[11] «Галицко-Волынская летопись» // Памятники литературы Древней Руси (ПЛРД). XIII век. М., 1981. С. 236.
[12] Там же. С. 344.
[13] См.: Ужанков А.Н. «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства. // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 3. М., 1992. С. 149–180.
[14] ПЛДР, XIII век. С. 314.
[15] Робинсон А.Н. Литература Древней Руси... С. 225.
[16] Ужанков А.Н. «Летописец Даниила Галицкого»... С. 150–180.
[17] Робинсон А.Н. Литература Древней Руси... С. 222–227; ссылаюсь на доклад В.А.Кучкина, прочитанный 8.XII.1993 г. в ИМЛИ РАН.
[18] Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений XI–XVII вв. Т. I. Прага, 1935. С. 94–95; Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы... С. 89.
[19] Бегунов Ю.К. Памятники русской литературы... С. 89.
[20] ПЛДР, XIII век. С. 326.
[21] ПЛДР, XIII век. С. 592, прим. О.П.Лихачевой.
[22] ПЛДР, XIII век. С. 238.
[23] Літопис Руський. К., 1989. С. 369, прим.2.
[24] Там же. С. 369, прим. 2.
[25] Там же. С. 373–374.
[26] Там же. С. 401, 408.
[27] Там же. С. 402.
[28] Комментарий Ю.К.Бегунова см.: Кто с мечом. Три произведения древнерусской литературы XIII–XV веков. М., 1975. С. 71. Ср. с точкой зрения Л.А.Дмитриева, который полагал, что «здесь под немцами подразумеваются шведские народы» (ПЛДР. XIII век. С. 545).
[29] Ужанков А.Н. «Летописец Даниила Галицкого»... С. 149–180.
[30] Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы... С. 154–155.
[31] Там же. С. 99–100.
[32] Там же. С. 122.
[33] Там же. С. 123.
[34] Данилов В.В. «Слово о погибели Русской земли» как произведение художественное. // ТОДРЛ. Т. XVI. М.—Л., 1960. С. 140.
[35] Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы... С. 154, 156, 157.
[36] ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стлб. 813.
[37] ПЛДР. XIII век. С. 434.
[38] ПСРЛ. Т. II. Столб. 716.
[39] Ужанков А.Н. «Летописец Даниила Галицкого»: к вопросу об авторе второй редакции // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 6. Ч. 1. М., 1994. С. 73–74.
[40] Ужанков А.Н. «Летописец Даниила Галицкого»... С. 149–180.